

3. *Семак, Е. А.* Формирование единого информационного пространства Союзного государства / *Е. А. Семак* // Информационные технологии в торговле и сфере услуг; под общ. ред. *Б. Н. Паньшина*. Минск : Изд. центр БГУ, 2007. С. 27–39.

4. *Семак, Е. А.* Современные интеграционные тенденции / *Е. А. Семак* // Россия и современный мир: проблемы политического развития. М. : ИБП, 2007. С. 117–125.

Г. Н. Гаврилко

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНОВ И СОЦИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

1. Региональные аспекты социально-экономического развития Европы

Территориальные диспропорции в размещении производительных сил и неравномерность социально-экономического развития – естественные признаки, характерные как для отдельных стран и регионов, так и для мировой хозяйственной системы в целом. Первоначально возникнув в силу различий в географическом положении, природных и климатических условиях с течением времени региональные диспропорции обострились в результате исторических, экономических и социокультурных особенностей развития того или иного государства или региона.

В современную эпоху проблемы неравномерности развития на страновом, региональном и глобальном уровнях приобретают особую остроту. Цена отсталости, издержки для тех, кто не успел вписаться в новую, формирующуюся под воздействием глобализации систему мирового хозяйства, по сравнению с прошлым многократно возрастают. Информационная революция конца XX в. превратила время в важнейший фактор конкурентной борьбы.

Сложность заключается в том, что в современном мире не все общественные процессы развиваются синхронно. То, на что в одних сферах, например в области информационных технологий, уходят дни или только часы, в других – таких, как социокультурная – отнимает многие годы или даже десятилетия. География региональных диспропорций не является чем-то незыблемым, она меняется под воздействием научно-технического прогресса, технологических новаций, структурных сдвигов в производстве, иногда под влиянием политических факторов. Превращение отстававших ранее районов или стран в

высокоразвитые требует длительного времени, больших финансовых затрат и согласованных действий властей всех уровней.

Это, в свою очередь, означает, что шансы на успешное включение в глобальную экономику у отдельных государств и регионов (впрочем, как и социальных слоев, групп и индивидов) далеко не равны. Те из них, кто обладают развитыми финансовыми и экономическими системами, а также современными информационно-коммуникационными технологиями, не только пользуются благами глобализации, но и формируют ее процессы в своих интересах и в то же время в ущерб тем, у кого такие ресурсы отсутствуют.

Речь идет отнюдь не только о пропасти в уровне, качестве и образе жизни, разделяющей «золотой» и «голодный» миллиарды. Разумеется, не в такой драматической, но тем не менее достаточно острой форме эти процессы затрагивают и развитые страны. Для многих из них характерны устойчивые разрывы между богатыми и отсталыми регионами.

Экономическая дифференциация пространства и связанные с ней социальные проблемы широко обсуждаются в европейской научной литературе и публицистике, особенно в связи со вступлением в ЕС стран бывшего «социалистического содружества». Однако не меньший интерес, в том числе и для Беларуси и других стран СНГ, представляет вопрос, до последнего времени остававшийся в тени. Как социальная отсталость того или иного региона влияет на экономическое развитие государства, частью которого он является? Попытка ответа на него предпринимается уже в экономической литературе. Социальная составляющая экономического развития понимается как вся совокупность элементов региональной социальной сферы, влияющих на хозяйственное развитие. Состояние этой составляющей оценивается с помощью ряда показателей. К ним относятся уровни занятости, доходов и образования, а также степень развития научных исследований и высокотехнологичных производств, социокультурные установки и т. д.

2. Социально-экономическая дифференциация европейских регионов

Современное понимание сбалансированного и целостного развития предполагает взаимную обусловленность его социальных и экономических параметров. (Такая концепция положена в основу докладов, посвященных развитию человеческого потенциала, которые уже 15 лет выходят под эгидой ООН.) Расстройство одной из функций общественного воспроизвод-

ства, детерминирующих тот или иной параметр, с высокой долей вероятности оказывает отрицательное влияние на другие функции и параметры.

В практическом плане это означает необходимость постоянного поиска баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Ведь к одинаково негативному результату в экономике могут привести диаметрально противоположные социальные причины. Как полное равенство, так и крайняя социальная поляризация тормозят прогресс, лишая граждан стимулов к эффективной экономической деятельности.

Будучи по своей природе сложным и противоречивым образованием, общество, однако, развивается тем успешнее, чем оно более консолидировано в решении стоящих перед ним проблем. Это общие положения, но они имеют непосредственное отношение к региональным проблемам. Как правило, все самые сложные и запущенные социальные болезни проявляются в первую очередь в наименее развитых регионах.

Важнейшим агрегированным показателем, позволяющим оценить степень социально-экономической дифференциации стран и регионов, является валовой внутренний продукт на душу населения. Степень дифференциации по данному показателю между странами Евросоюза ниже, чем между регионами. Это особенно хорошо заметно, если оставить в стороне Люксембург – страну с малочисленным населением (437 тыс. жителей) и очень высоким душевым ВВП (почти 43 тыс. долл.), благополучие которой основано на том, что она является европейской офшорной зоной. Доход на душу населения в Греции в 1,7 раза ниже, чем в Дании, но разница между Брюсселем и Центром Португалии превышает 4 раза. Кроме того, большой разброс уровней развития существует не только между регионами, принадлежащими разным странам, но и в рамках отдельных государств как бедных, так и богатых. Например, в Германии разница в душевом доходе между самым богатым и самым бедным регионом составляет 2,7 раза, а в Испании и Португалии – 1,7 раза.

Ничто так не дезинтегрирует общество и не повышает конфликтность в нем, как неравные возможности трудоустройства, получения образования, обеспечения достойного уровня жизни.

Как и в случае с душевыми доходами, диспропорции в уровнях занятости между регионами больше, чем между странами. На одном полюсе с самой высокой занятостью находится Голландия (там имеют работу 74,4 % населения в трудоспособном возрасте), на другом с самой низкой – Испания (54,8 %). Но гораздо более впечатляет разрыв между Лондоном (88,7 %) и итальянской Кампанией (41,9 %).

Большие региональные различия скрываются и за средним по ЕС показателем безработицы – 7,8 % в 2002 г. В экономически развитых регио-

нах, таких как Бавария, Гессен, Ломбардия, ее уровень не достигает 4 %, то есть налицо практически полная занятость. В отсталых – Кампания, Саксония-Ангальт – превышает 20 %. Серьезной проблемой для этих районов является безработица среди молодежи. На юге Испании доля безработных молодых людей в общей численности лиц, не имеющих работы, достигает 30 %, а в ряде областей южной Италии она вплотную подошла к 60 %. В результате лишь двое из пяти молодых людей с юга Италии имеют шанс быстро найти работу, тогда как у их сверстников-северян эти возможности в два раза больше.

Отсталые регионы являются также очагами застойной безработицы, способствующей маргинализации значительной части населения. Доля лиц, лишенных возможности трудиться в течение длительного времени, в общем числе безработных в Саксонии-Ангальт достигает 62,3 %. Но пальма первенства и здесь принадлежит Кампании, где этот показатель составляет 73,7 %.

Болезнью, поражающей в первую очередь отсталые регионы, является широкое распространение теневой экономики. Она наносит ощутимый вред народному хозяйству в целом, обедняя государственную казну и криминализируя деловые отношения, хотя и служит своеобразным социальным стабилизатором, будучи зачастую единственным источником занятости. Несмотря на отсутствие данных о распространении нелегальной экономики по отдельным европейским регионам о масштабах этого явления позволяет судить тот факт, что в Италии в 2003 г. ее оборот составил 300 млрд евро, или 27 % ВВП. В период с 1999 по 2001 г. в этом секторе трудились до 1/3 рабочей силы страны.

Отнюдь не академический интерес для стран Евросоюза представляет проблема бедности. По официальным данным, в конце 90-х гг. за чертой бедности в среднем по ЕС находились 15 % населения, в Германии, Дании и Нидерландах – 11 %, в Греции и Португалии – 21 %.

Учитывая высокий уровень безработицы (в том числе хронической), характерный для отсталых регионов, с большой долей вероятности можно предположить, что именно они являются устойчивыми очагами бедности. Исследование, проведенное в Италии в начале текущего десятилетия, подтверждает этот вывод. В 2003 г. львиная доля – более 65 % семей, живущих в бедности, – приходилась на южные районы страны.

Хотя европейская бедность (например, в Италии в 2003 г. черта бедности – 870 евро в месяц для семьи из двух человек) в других регионах мира, таких как Африка южнее Сахары или Южная Азия, означала бы высокий уровень достатка, в Европе такие доходы не могут обеспечить их

получателям достойный уровень жизни. Впрочем, и для многих жителей далеко не столь экзотических, как страны Черной Африки, государств Европы, недавно вступивших в ЕС или ожидающих своей очереди войти в него, семейный доход в 1000 долл. остается недостижимой мечтой. По данным ООН, в 1996–1999 гг. жили на 4 дол. в день на человека 10 % населения Польши, 22 % – Болгарии, 28 % – Латвии.

Ключевые ресурсы развития сегодня – знания и передовые технологии. Но неравенство в доходах и возможностях трудоустройства в отсталых регионах дополняется неравенством в доступе к образованию. В результате основной характеристикой рабочей силы в этих районах является несоответствие современным требованиям общеобразовательной и профессиональной подготовки, что обуславливает неспособность и занятых, и тем более безработных, адаптироваться к новым формам организации производства и овладеть новыми специальностями. Это подтверждается данными о доле лиц с низким уровнем образования. Так, на средиземноморском побережье Франции, в южных районах Италии и Испании она колеблется от 40 до 65 % общей численности населения в возрасте 25–65 лет.

Иная ситуация наблюдается в ФРГ. В отсталой Саксонии-Ангальт доля лиц с низким уровнем образования (8 %) ниже, а с высоким (25 %) даже выше, чем в развитом Гессене (соответственно 18,2 % и 23,2 %). Пример ФРГ свидетельствует о том, что высокий уровень образования сам по себе не обеспечивает путь к успеху. После объединения страны выяснилось, что профессиональная подготовка восточногерманских менеджеров в целом была сопоставима с квалификацией их западных коллег, однако они оказались совершенно не способны воспринять правила игры, диктуемые рыночной экономикой.

Возможность успешного включения в процесс мирового развития – к регионам это относится в той же мере, что и к странам – сегодня более чем когда-либо зависит от качества интеллектуального капитала. Однако сложившаяся система его формирования и использования закрепляет и усугубляет существующее неравенство. Развитые регионы доминируют в фундаментальных и прикладных исследованиях. В 1997 г. 25 % расходов на НИОКР было сосредоточено в 7, а 50 % – в 28 из более чем 200 европейских регионов. Лидерами по затратам на НИОКР являются немецкие земли. Из 10 наиболее передовых в этом отношении регионов 7 принадлежат Германии. Самые значительные внутристрановые различия в затратах на НИОКР также наблюдаются в ФРГ, где в 2001 г. в Брауншвейге они составили 7,1 % ВВП, а в Везер-Эмсе – 0,5 %. Брауншвейг лидирует среди европейских регионов и по доле персонала, занятого в сфере НИОКР, – 4 %.

За ним следуют две скандинавские столицы – Стокгольм (3,9 %) и Осло (3,8 %), а в итальянском Молизе – это величина, стремящаяся к нулю (0,04 %). Это не значит, что все европейские регионы как один должны превратиться в Силиконовые долины. Очевидно, что процесс генерирования высоких технологий – удел ограниченного числа специализированных центров. Но умение их использовать должно стать доступным для всех.

Однако данные опроса, проведенного в 28 регионах «старого» Евросоюза (ЕС-15) в 2003 г., свидетельствуют о высокой степени регионального неравенства в применении современных технологий. Так, в среднем по ЕС доля лиц, использовавших персональный компьютер хотя бы один раз в месяц, составляла 60,2 %. При этом в Центральной Македонии (сельскохозяйственная область Греции с низким душевым ВВП) она не достигала 25 %, тогда как в высокоразвитых районах Великобритании – Беркшире, Бакингемшире и Оксфордшире – лишь немногим не дотягивала до 80 %. В еще большей степени указанные регионы отличались друг от друга по числу лиц, чьи домашние компьютеры подключены к Интернету. Их доля в Центральной Македонии – 8,2 %, тогда как в Беркшире, Бакингемшире и Оксфордшире – 79 %.

Существующий разрыв в освоении цифровых технологий увеличивает риск маргинализации отстающих регионов и может привести к еще большим диспропорциям в будущем.

3. Новое расширение Евросоюза – новые региональные диспропорции

Серьезные диспропорции в социально-экономическом развитии Европы существуют не только в рамках национально-государственного деления. Территориальная дифференциация Евросоюза предстает еще более рельефной, если учесть, что внутри него сформировались обширные суперрегионы. Такие, как хорошо известная зона процветания (напоминающая по конфигурации банан), куда входят Северная Италия,

Южная Германия, Иль-де-Франс, Брюссель и южная Англия и где душевой доход составляет 120–140 % от среднего по ЕС-15. Есть и другой суперрегион: 47 % формируемого на территории «старого» ЕС дохода приходится на область, простирающуюся от Северного Йоркшира через Франш-Конте до Гамбурга. Это 1/7 территории ЕС-15, где проживает треть его населения. Известно, что по показателям социального развития эти регионы выгодно выделяются на общеевропейском фоне. В противовес им на периферии «старого» ЕС имеются большие территории, где душевой

доход не превышает 65 % от среднего. В настоящее время к ним относятся юг Италии и Испании, а также большая часть территории Португалии и Греции. Такая социально-географическая дифференциация – явление отнюдь не новое. Еще с конца XV в. зафиксирована более развитая область между Северной Италией и Голландией. Эта особенность сохраняется и в наши дни.

Различия по основным показателям социально-экономического развития между странами, а в еще большей степени между регионами, и в рамках «старого» ЕС были достаточно велики. Но они могут показаться не столь существенными сегодня, после вхождения в Европейский союз менее развитых стран с большой внутренней социально-экономической неоднородностью.

Во вновь вступившей «десятке» только в двух столичных регионах – Праге и Братиславе – душевой ВВП превышает средний для ЕС. В Литве, Латвии и Эстонии он не достигает 40 %. Еще хуже обстоят дела в странах-кандидатах на вступление в ЕС: в Болгарии (26 %) и Румынии (24,4 %). При этом не следует забывать, что внутри этих государств также существуют значительные региональные различия по данному показателю. Доход в самых богатых регионах Чехии, Словакии и Румынии почти в три раза выше, чем в самых бедных.

Расширение Евросоюза до 27 членов на треть увеличит его площадь, на 28 % – население и только на 11 % – ВВП. Повышение количества стран-участниц приведет, как указывают эксперты, к усилению экономических диспропорций, удвоению разрывов в социально-экономических показателях, обострению проблем занятости и сокращению среднего душевого ВВП на 12,5 %. Разрыв между богатыми и бедными регионами возрастет с 5 до 9 раз.

Этим объясняются недоверие, с которым западные европейцы смотрят на своих собратьев из вновь присоединившихся стран, и опасения по поводу предполагаемой унификации социальной сферы в рамках Евросоюза. Тем более что перед глазами пример одной из самых мощных мировых держав – Германии, оказавшейся не в состоянии быстро решить возникшие перед ней после объединения социальные проблемы. Отсюда – негативное отношение населения многих стран к проекту Европейской конституции. Отсюда же – все чаще раздающиеся голоса в поддержку идей эшелонированного развития Евросоюза.

Что касается миграции, то ряд исследователей полагают, что в первые годы при существующей свободе передвижения около 335 тыс. жителей Центральной и Восточной Европы будут ежегодно уезжать на Запад. А

через десять лет, по некоторым оценкам, общее число переехавших может достичь 9 млн (немногим более 2 % всех европейских жителей). Самый мощный поток мигрантов, около 65 %, направится в Германию (через 30 лет 2,5 % ее населения будут составлять выходцы из Восточной Европы), 12 % – собираются переселиться в Австрию.

Трудности подстерегают расширенный Евросоюз еще с одной стороны. Многие регионы, в том числе часть восточных земель Германии, после 2006 г. лишились помощи, которую они получали из Европейских фондов. Произошло это не потому, что показатели их развития существенно улучшились. Просто после расширения Евросоюза за счет менее развитых государств отсталые регионы ЕС-15 перестали соответствовать установленным критериям предоставления субсидий. Пока предложения, разрабатываемые Европейской Комиссией, по разным причинам не устраивают ни старые, ни вновь вступившие страны. Решение может быть найдено только с помощью компромиссов, и, скорее всего, это будет долгий и трудный путь.

Однако главные трудности сопряжены все же не с количественными показателями, хотя и этот аспект, безусловно, очень важен, а с неформальными институтами, включающими традиции, привычки, культурные и религиозные нормы, сознание людей. Они инерционны, крайне медленно и с большим трудом поддаются изменениям, тем более унификации. Они порождают угрозы иррационально мотивированных действий. Создание механизмов адаптации неформальных институтов, атипичных и архаичных структур к новым условиям жизни – одна из самых сложных задач, с которой придется столкнуться странам Евросоюза и на наднациональном, и на национальном уровне. Эти проблемы, кстати, тесно связаны с еще очень мало исследованными социокультурными аспектами глобализации. Причем культурный разлом может пройти там, где его едва ли будут ожидать.

Применительно к Германии разговор о культурном разломе между западными и восточными немцами может показаться надуманным. Трудно представить, что за 45 лет люди, жившие в двух германских государствах, приобрели черты, кардинально отличающие их друг от друга. Тем не менее в Германии все чаще говорят о различиях в поведении, стремлениях, ценностных ориентациях западных и восточных немцев. В качестве доказательства существования глубоких различий между ними приводят данные о браках. В 1995 г. в Берлине только 4 % браков было заключено между жителями западной и восточной частей города. В том же году доля браков, заключенных между берлинцами и иностранцами, почти в 8 раз превышала эту цифру. С точки зрения базовых ценностей западные немцы ощущают себя гораздо ближе к датчанам, французам или голландцам, чем к своим восточным соотечественникам.

Поскольку в обозримом будущем диспропорции в социальном развитии европейских регионов, скорее всего, будут увеличиваться, необходим комплексный инструментарий государственного и надгосударственного регулирования, позволяющий смягчить их негативное влияние на экономику. Как представляется, одним из них могла бы стать региональная политика. В современных условиях именно она позволяет придать глобальным процессам человеческое измерение. Одной из ее главных задач является адаптация принятых на наднациональном уровне стратегий развития к нуждам локальных сообществ и отдельных социальных слоев. И хотя сегодня это кажется утопией, может быть, со временем региональная политика превратится в механизм (или станет его частью), который позволит придать глобализации управляемый и, главное, социально направленный характер. Возможно, уже сегодня ее прообразом можно считать разрабатываемую ЕС политику сплочения (*cohesion policy*), которая содержит конкретные социальные ориентиры развития для различных категорий европейских регионов. Эта политика заслуживает пристального внимания отечественных исследователей.

4. Трансформация экономики в странах СНГ и социальная политика

В результате трансформации экономик и перехода к рыночным отношениям население стран СНГ получило ряд острейших социальных проблем, среди которых:

- высокая доля бедного населения и низкий уровень черты бедности;
- дефицит продовольственного потребления населением и нарушение рациональной структуры питания;
- снижение спроса на рабочую силу и высокий уровень безработицы;
- снижение уровня оплаты труда и резкая дифференциация населения по уровню доходов;
- деформация социальной сферы на фоне сокращения основных социальных гарантий со стороны государства (бесплатное образование, здравоохранение, жилье и т. д.);
- истощение нравственного потенциала населения; деформированная система современных рыночных отношений.

Следствием этого явилось снижение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) стран Содружества. Если в 70–80-х гг. XX в. по рейтингу развития человеческого потенциала СССР занимал 30–35-е место среди стран мира, то, по данным доклада ПРООН о развитии человека (2005), в 2003 г. Украина занимала 78-е место, Казахстан – 80-е, Армения –

83-е, Грузия – 100-е, Азербайджан – 101-е, Кыргызстан – 109-е, Молдова – 115-е, Таджикистан – 122-е место среди 177 стран мира. Несколько лучшее положение у России (62-е место) и Беларуси (67-е место).

Современная социально-экономическая ситуация в странах Содружества требует повышения эффективности социальной политики, выработки новых механизмов ее реализации, обеспечивающих наиболее рациональное использование финансовых, материальных и трудовых ресурсов, концентрации усилий на решении самых острых социальных проблем.

В ближайшей перспективе необходимо сосредоточить внимание на проблемах формирования новой концепции социальной политики. К основным из них относятся: методология реформирования социального комплекса с позиций разработки общеэкономической стратегии и задач построения социального государства, направленного на качественное развитие человека, и пересмотр процессов реформирования оплаты труда, регулирования занятости населения, адресной социальной поддержки наиболее уязвимых категорий граждан, отраслей социальной сферы. В методологическом плане, по-видимому, предстоит отказаться от отраслевого подхода к социальной сфере, преодолев укоренившийся стереотип восприятия ее как некой «ямы», поглощающей средства, необходимые для экономического роста. Следует уточнить определение самого социального вектора развития и при разработке новой социальной политики на первый план выдвигать не денежный ее аспект, а улучшение качества человеческого потенциала (долгая и здоровая жизнь, постоянно обновляющиеся знания, полноценные средства развития человека). Необходимо, наконец, не на словах, а на деле признать, что экономический рост не цель, а лишь средство развития человека.

Литература

1. Economist. 2005. 27 March. P. 5–8.
2. Николаев, Н. Рыночная трансформация экономики: итоги пройденного этапа / Н. Николаев, А. Калинин, О. Точилкина // Общество и экономика. 2005. № 9. С. 76–77.
3. Удовенко И. М. Трансформация экономики в странах СНГ и формирование человеческого потенциала / И. М. Удовенко // Экономический бюлл. НИЭИ М-ва экон. Респ. Беларусь. 2006. № 5. С. 82–97.
4. Беларусь и страны мира. Минск, 2005.
5. Ефременко Н. В. Национальная стратегия как инструмент борьбы с бедностью: обзор опыта стран с переходной экономикой / Н. В. Ефременко, Н. Г. Прокофьева // Бел. экон. журн. 2004. № 1.
6. Доклад о развитии человека–2005 / пер. с англ. М. : Изд-во «Весь Мир», 2005.
7. Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития. Национальный отчет о человеческом развитии 2004–2005. Минск : Альтиора–Живые краски. 2005. С. 95.